

нельзя отнести к западным народам. На с. 6 вкралась, по-видимому, опечатка. Музей народов СССР в Москве был расформирован не в начале 1930-х годов, а в 1948 г., когда и были переданы его экспонаты в Ленинград в ГМЭ.

Альбом «Народное искусство Российской Федерации...» — первая публикация тех сокровищ, которые хранит Музей этнографии народов СССР, и хочется надеяться, что за ней последуют другие издания.

Л. Э. Калмыкова выбрала очень интересную тему — «Вышивка Тверской земли». Край, находившийся на стыке различных колонизационных потоков, представляет большой интерес разнообразием народного искусства, в частности вышивки. В книге-альбоме Л. Э. Калмыковой довольно обширный текст и 174 прекрасных образца тверской вышивки. Альбом как бы подводит итог многолетней, кропотливой работы Л. Э. Калмыковой, собравшей и систематизировавшей тверскую вышивку, и издание его, несомненно, должно быть оценено положительно. Здесь выражена точка зрения автора на семантику орнамента. Дается искусствоведческий анализ вышивки, материал расположен по географическому признаку — охвачены почти все уезды б. Тверской губернии. Л. Э. Калмыкова справедливо отмечает связь многих сюжетов вышивки с древними мифологическими образами славян, что надо считать доказанным (работы В. В. Стасова, В. А. Гордцова, Б. А. Рыбакова, А. К. Амброза и мн. др.). Однако в некоторых случаях Л. Э. Калмыкова сильно архаизирует вышивку. Так, на рис. 98 в поздней вышивке тамбуром с искаженным двуглавым орлом в центре, две женские фигуры по бокам его изображены на городской манер с тонкими талиями в широких юбках (причем в профиль, что нехарактерно для архаического типа вышивки), но по традиции «дамы» держат в руках ветки. Вряд ли есть основания отождествлять этих женщин с кикиморами — мелкими злобными существами, по воззрению крестьян особенно опасными для кур. В вышивке, по нашему мнению, в основном изображались благожелательные существа. Навыки вышивания передавались от матери к дочери в течение столетий и вместе с тем непрерывно изменялись. Многое зависело от вкуса вышивальщицы. Два дерева, изображенных с корнями, автор считает многоголовым драконом (рис. 188). Народный термин «оборотень» автор употребляет для обозначения обернувшихся назад животных (рис. 84) и связывает их с волками-оборотнями. Надо заметить, что эта композиция имеется еще в церковном шитье середины XVI в., хранящемся в Загорском музее.

Жаль, что карельские и русские вышивки, имеющие не только много общего, но и свою специфику, не отделены одна от другой.

Кроме вступительной вводной статьи, характеризующей тверскую вышивку в целом, каждому разделу предпосылаются специальные заметки. В работе приведены ценные сведения о назначении вышивки и связях ее с традиционными обычаями (с. 174—176), помещен указатель разных видов швов. Резюме и подписи к иллюстрациям даны на русском и на английском языках.

Нельзя не упомянуть и об издании каталога «Тверская вышивка в Загорском музее» (М., 1982. 247 с., 112 илл.), составленном тем же автором — Л. Э. Калмыковой. Каталог является как бы дополнением к альбому. Аннотации к вышивкам в нем более полные, чем в альбоме. В основу каталога положена тематическая классификация: автор попытался выделить группы орнамента по сюжету, что представляет значительные трудности. Каталог изящно оформлен, вышивки (черно-белые и цветные) даны очень четко.

Работа Л. Э. Калмыковой имеет большую познавательную ценность и в дальнейшем может быть использована при составлении историко-этнографического атласа, посвященного русской народной вышивке.

Г. С. Маслова

Былины. Русский музыкальный эпос/Сост. Добровольский Б. М., Коргузалов В. В./Ред. Лебединский Л. Н. М.: Сов. композитор, 1981. 615 с. с нот., факс. (Собрание русских народных песен. Издание основано Д. Д. Шостаковичем)

В 1960-х годах музыковед Л. Н. Лебединский, в то время возглавлявший Фольклорную комиссию Союза советских композиторов РСФСР, выдвинул идею создания свода памятников русского народного музыкального творчества. Мысль эта встретила благоприятный отклик не только у специалистов по музыкальному фольклору, но и в широких кругах композиторов и музыковедов, в частности у Д. Д. Шостаковича, ставшего главным редактором свода.

Свод мыслился как ряд антологий, не связанных последовательностью публикации и даже единством взглядов по некоторым до сих пор спорным проблемам музыкальной фольклористики. Рассматривать его как нечто внутреннее целое позволяет проходящая через все издание мысль о том, что народное музыкальное творчество — это неразрывное, органическое слияние ряда неоднородных начал народного искусства — обрядового, поэтического, игрового, хореографического (а в некоторых случаях зрелищного) с музыкальным. В каких бы комбинациях ни сочетались в разных жанрах народного музыкального творчества эти начала, в итоге они создают однородные, слитные произведения, изучение которых в отрыве одного от другого нарушает целостное представление и о жанре, и об отдельном произведении. Так, былины Русского Севера в том виде, в каком они сложились ко времени, когда исследователи впервые приступили к их научному

изучению, представляли сплав поэтической и музыкальной стихий. Тем не менее еще в недалеком прошлом наиболее крупные собиратели и исследователи рассматривали былины прежде всего как памятники древнего устного поэтического творчества и либо вообще игнорировали их музыкальную природу, либо считали музыку производным от их литературного текста. Многие фундаментальные собрания былин вовсе не содержат музыкальных записей (П. В. Киреевский, В. Ф. Миллер, А. И. Соболевский, Н. С. Тихонравов); в некоторых эти записи приведены крайне скудно, в виде единичных примеров, источники которых не всегда известны (П. А. Бессонов, А. Ф. Гильфердинг, Н. С. Тихонравов, В. Ф. Миллер, Е. А. Ляцкий). В ряде других публикаций былин, таких, как трехтомный труд А. Д. Григорьева¹, издания фольклорного сектора Института этнографии², Государственного литературного музея³, музыка представлена значительно шире. Пожалуй, больше всего места занимают музыкальные примеры в изданиях ИРЛИ⁴ и сборниках серии «Литературные памятники»⁵, но и в них они носят иллюстративный характер, и музыка даже здесь не всегда рассматривается как неотъемлемый компонент произведения, а по охвату материала музыкальные тексты значительно уступают литературным.

Равноправное положение музыка и слово чаще занимают в изданиях, не претендующих на научное значение, таких, например, как «Песни уральских казаков» А. В. и В. Ф. Железновых (Спб., 1899). Музыканты и композиторы, в творчестве которых записи и обработки народных песен играли заметную роль, обычно недооценивали важность сохранения в целостности литературных текстов. Некоторые из них при записи произведений эпического жанра отдавали предпочтение духовным стихам («апокрифические песни»), возможно, вследствие большего сравнительно с былинами мелодического богатства этих «песен» (М. А. Балакирев, Ф. М. Истомин-С. М. Ляпунов, Ф. М. Истомин-Г. О. Дютш, О. Х. Агренева-Славянская, В. П. Гудков-Н. Н. Леви, отдельные издания Песенной комиссии РГО). Некоторые композиторы, например Н. А. Римский-Корсаков, вообще, по-видимому, не ставили перед собой задачи полного воспроизведения литературных текстов, а музыковеды-исследователи, например А. Л. Маслов, и музыкальные и поэтические тексты часто приводили фрагментарно, лишь в той полноте, какая была необходима для рассмотрения стоявших перед ними творческих проблем.

Рассматриваемое нами собрание былин выгодно отличается от более ранних сборников этого рода тем, что в нем музыкальные и литературные тексты занимают равноправное положение, а в комментариях и вспомогательном научном аппарате в равной мере представлены исследования поэтики и музыкального склада эпических произведений. В отобранных образцах наиболее типичных эпических произведений⁶ музыкальные тексты даны в той полноте, какая необходима для получения цельного впечатления о напевах и их особенностях, характерных для разных исполнителей. Поэтические тексты представлены в том объеме, в каком они сохранились в памяти сказителя (иногда с исправлениями в заведомо искаженных текстах), а в тех редких случаях, когда текст полностью утрачен, — в реконструкции.

Второе и едва ли не главное достоинство труда покойного Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова — это последовательно проведенная классификация эпических произведений.

Поскольку русский народный эпос представляет собой сплав слова и музыки, его классификация должна быть основана на признаках, равно характеризующих эпическое произведение как продукт поэтического и музыкального творчества.

На первый взгляд в классификации, принятой в рассматриваемом томе, нет ничего нового. В нем сохранено давно уже ставшее привычным расположение эпических произведений в соответствии с ареалом их бытования. Вследствие особенностей этнического состава населения, природных и исторических условий развития региона эпические произведения в разных географических зонах резко различаются и по своему стилю, и по характеру исполнения. В антологии былины разделены на северные, южные, бытующие в Поволжье, на Урале и в Сибири. Нет ничего необычного и в том, что эпос наиболее крупных регионов в свою очередь разделен на группы в соответствии с границами — очень, конечно, размытыми — их распространения. Принятая составителями

¹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. С напевами, записанными посредством фонографа. Т. I. Спб., 1904; т. II. Прага, 1939; т. III. Спб., 1910.

² Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора/Записи, вступ. статья и коммент. Астаховой А. М. М.—Л., 1938.

³ Былины М. С. Крюковой/Записали и коммент. Бородин Э. и Лилец Р. (Гос. лит. музей. Летописи. Кн. 6). Т. 1. М., 1939; т. 2. М., 1941.

⁴ См., например: Колпакова Н. П. Новые записи былин на Печоре; Добровольский Б. М. Новая запись былины в Горьковской области.— В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования. II. М.—Л., 1957; Былины Печоры и Зимнего Берега (Новые записи)/Издание подготовили Астахова А. М., Бородин-Морозова Э. Г., Колпакова Н. П., Митропольская Н. К. и Соколов Ф. В. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

⁵ Добрыня Никитич и Алеша Попович/Издание подготовили Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. М.: Наука, 1974, с. 361—363. (АН СССР. Лит. памятники).

⁶ В издании представлены 101 былина и 39 близких к ним эпических произведений — баллад, апокрифических песен-притч, скоморошин и небылиц. 24 из них ранее не публиковались.

классификация северных былин с поправкой на изменение административной структуры края почти не отличается от классификации А. Д. Григорьева⁷.

Новизна работы заключается в последовательном применении на последних, т. е. определяющих, ступенях классификационной схемы принципа деления эпических произведений в соответствии с их метrorитмической структурой. Иначе говоря, классификация разрабатывается исходя из признаков, в равной мере приложимых к былинам как поэтическим и музыкальным произведениям. В рамках каждого региона былины делятся по напеву и поэтическому тексту на строфические и одностиховые. Былины Севера, лучше других сохранившие старинную форму полупесен, полуречитативов декламационного стиля, в свою очередь дробятся по группам метрического времени — нечетным, смешанным и четным.

Классификация эта была подготовлена как предыдущими изысканиями самих авторов, так и другими исследователями, в частности А. Л. Масловым, занимавшимся проблемами ритма и музыкального склада былин. Главная заслуга составителей былинного тома «Собрания» — выработка стройной системы классификации и последовательное применение ее к конкретному материалу, содержащемуся в томе.

Как уже упоминалось, в приложении к тому даны напевы и полные тексты 39 произведений, по мелодической и поэтической структуре близких к эпическому жанру. Среди них выделены произведения, имеющие и строфическую, и стиховую формы (баллады, апокрифические песни), а также бытующие только в стиховой форме (песни-притчи, скоморошины, небылицы).

Можно оспаривать конкретные случаи приложения принципов этой классификации, но нельзя отрицать ее методологической и эвристической ценности. На наш взгляд, она, в частности, облегчает анализ собранного материала и позволяет установить родственность мелодических истоков таких, казалось бы, вполне самостоятельных и независимых друг от друга произведений, как северные одноголосные «старинные» и южнорусские «былинны песни». Представление о якобы полной самостоятельности напевов северной сольной былинной традиции и многоголосной южной, укоренившееся в широких музыкальных кругах, весьма живуче и, безусловно, нуждается в уточнении. Поэтому чрезвычайно актуальны приведенные в статье Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалева примеры, доказывающие, что, «несмотря на все многообразие былинных напевов различных стилистических зон, в них так или иначе проступают черты сказительского мелоса — традиции напевного повествования» (с. 25—26).

Несомненную ценность придают изданию вступительная статья такого знатока былинного эпоса, как покойная А. М. Астахова, и небольшие по объему, но очень содержательные статьи Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалева, дающие как общую характеристику отдельных жанров народного эпического творчества, так и его особенностей в разных регионах страны.

Чрезвычайно разнообразен и интересен вспомогательный научный аппарат издания: библиография и нотография былин, сюжетный указатель и словарь устаревших и малоизвестных слов, дающий не только их толкование, но и примеры словоупотребления. Нельзя, наконец, не отметить исключительно тщательно выполненные комментарии, содержащие кроме необходимых паспортных данных детальный анализ поэтики и мелодического склада каждого комментируемого произведения, сопоставление вариантов, обзор литературы, а в ряде случаев и характеристику особенностей исполнения.

Выход в свет рецензируемого тома — крупное событие в истории советской фольклористики. Следует думать, что не меньший резонанс будут иметь и тома «Собрания», относящиеся к другим жанрам русской народной музыки.

Д. М. Бацер, Н. М. Владыкина-Бачинская

⁷ Следует, впрочем, оговориться, что вне поля зрения А. Д. Григорьева, как и других дореволюционных собирателей и исследователей, оказался бассейн Печоры.

И. В. Дубов. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982, 248 с.

Книга И. В. Дубова посвящена древнейшей истории Северо-Восточной Руси IX—XI вв., впоследствии ставшей ядром формирования русской народности и государственности. В период переходный от первобытно-общинного строя к ранней государственности территория Древней Руси была населена различными этносами, отличавшимися по направленности и темпу экономического и социального развития, и поэтому многие процессы и возникавшие институты носили подчеркнуто этносоциальный характер. И хотя книга И. В. Дубова охарактеризована им как «историко-археологические очерки», она по сути своей затрагивает и важнейшие этнические аспекты проблемы становления единой этносоциальной системы древнерусской государственности и народности.